

Мы шли по раскисшей, заросшей травой дороге, которая, наверное, когда-то считалась главной улицей давным-давно позаброшенного дачного общества. Среди зарослей виднелись остовы полуразвалившихся дачных домиков и сараюшек. Корявые ветви старых яблонь клонились к земле от тяжести яблок, которым были увешаны, словно разноцветными гирляндами. Красно-белые, желтые, темно-зеленые и просто красные, красно-полосатые, зеленые с розовым румянцем и рубиновые, почти что черно-бардовые, на любой вкус, цвет и размер. Именно за яблоками мы и выбрались тем осенним погожим деньком с девушкой по имени Настя, соседкой по нашему малосемейному общежитию. За все время, с тех пор как вышли из дома, мы едва ли перекинулись дюжиной слов. Настя дружила с моей (тогда еще будущей) женой, Марией, ну а я с Настей общался постольку-поскольку, как это бывает с друзьями наших половинок, на совместных посиделках за полторашкой пива, или каком-то еще совместном мероприятии. Как раз накануне, в пятницу, когда я вернулся с работы, они и сидели в нашей крохотной комнатенке в общежитии, и потягивая мартини из трубочек, что-то жарко обсуждали, забравшись с ногами на диван. Настя сказала, что на выходных собирается в заброшенные сады за яблоками и Маша предложила мне сходить с ней. Мол, и себе наберешь, и девушке с тяжелыми пакетами подсобишь, и выходные с пользой пройдут. Сама она пойти с нами не смогла так как на выходные выпадали ее рабочие смены.

Я согласился, деваться было некуда, да и Настя приняла это предложение с энтузиазмом. Вообще идти мы должны были втроем, но третий человек, Настин племянник 11-летний Андрюха заболел, и вот мы здесь вдвоем с пустыми рюкзаками за плечами, в резиновых сапогах и старых куртках. Припекало осеннее солнышко, ленивый ветер ворошил жухлую траву и густые темно русые волосы моей попутчицы, донося до меня еле ощутимые обрывки приятного запаха исходящего от нее, который тут же терялся в одурманивающем аромате спелых и опавших яблок. Под каждой яблоней земля была усыпана падалицей, которая пестрыми островками алела или белела вокруг ствола дерева. Свернув с дороги мы пересекли остатки забора, и пошли по чьим-то бывшим участкам, переходя от яблони к яблоне, по натоптанным до нас, такими же добытчикам, тропкам. Мы шли прямо по яблокам, наступая на них и вдавливая их в землю сапогами, и мне, приехавшему в этот край год назад, отчасти казалось это кощунством. Когда на нашем пути встретилась небольшая пересохшая канавка я перепрыгнул через нее и галантно подал руку Насте, глянув на миг ей в лицо. В ее больших серых глазах под длинными ресницами отражались синее осеннее небо. Щеки ее разрумянились от свежего воздуха, пухлые губки маленького аккуратного рта были немного раскрыты, в легкой улыбке обнажая ряд белых зубов с небольшой щербинкой посередине, а ладонь была холодной, и когда она коснулась моей руки, сердце у меня на миг встрепенулось. Настя была пару лет моложе моей Маши, ей было немногим больше двадцати. Она жила в том же общежитии, куда мы заселились год назад, и была первая с кем мы познакомились и по сей день поддерживали приятельские отношения. Она часто захаживала поболтать с Машей и имела приятную особенность звонко и заливисто смеяться. Скрывать не буду, Анастасия симпатизировала мне как девушка. Приятной внешности, пусть и несколько плотного телосложения, но не полная, Настя являлась обладательницей стройных ног и крепких ягодиц, волнящихся темно-русых волос ниже плеч и ухоженных рук.

Я нарочно пропускал ее вперед (она была провожатый, а я-то тут впервые) и любовался, как плавно переливаются ее упругие ягодицы под тесной джинсовой тканью. Мода тогда была такая, девушки носили джинсы с низкой талией и коротенькие кофточки/курточки. Не исключение была и Настя, и стоило ей наклониться или присесть за очередным яблоком, как перечисленные веянья моды открывали моему взору обнаженную часть поясицы, и белеющую ниже незагорелой кожей окрестность копчика и начинающихся ягодичных округлостей. Меня это чертовски заводило и возбуждало, а Настя невозмутимо подбирала яблоки, пробовала отбрасывая в сторону, если оно оказывалось невкусным и шагала к очередной яблоне.

— Вот эти ничего, попробуй? — наконец определилась она, жуя сочное яблоко, откусывая которое в разные стороны летели брызги сока.

Я присел на корточки, разыскивая более-менее свежее яблоко, упавшее с дерева, и откусывая, поднял голову на Настю. Девушка привстав на цыпочки одной рукой ухватилась за ветвь, а другой пыталась дотянуться до аппетитного крупного плода, приглянувшегося ей среди корявых, усыпанных яблоками веток. Ей не хватало совсем чуть-чуть, она касалась пальцами кончика яблока, но никак не могла ухватить его, чтобы сорвать. Пока длилась эта борьба, я перевел взгляд ниже и любовался обнажившимися под задранной курткой кругленьким животиком с глубокой ямкой пупка. Обойдя еще несколько яблонь мы уперлись в бетонный забор который еще не успел развалиться. Видно было, что территория за ним так же запущена, но на ней виднелись аппетитные, усыпанные плодами яблони и кажется даже одна груша.

— Перелезть сможешь? — спросил у Насти.

— Конечно! Если подсадишь, — Настя улыбалась. Осеннее солнце падало на ее разрумившиеся щеки и приоткрытые влажные губы, а ветер все так же легонько трепетал густые пряди.

Забор был не очень высокий, поэтому я просто присел на колено используя другое колено и руки, как ступеньку, чтоб Настя смогла вскарабкаться.

Мне конечно хотелось подпихнуть ее в упругие ягодицы, но я побоялся, что это будет выглядеть лишним, девушка и так справлялась сама.

— А с той стороны забор повыше, — предупредила Настя, сидя на заборе, когда я передавал ей рюкзаки.

— Сейчас посмотрим, — я вскарабкался на бетонную плиту и прикинул. Действительно с той стороны под забором был вырыт ров, который сейчас покрывала пожухлая трава, прыгать в который было опрометчиво. Я аккуратно спустился держась на вытянутых руках по ту сторону забора, принял у Насти рюкзаки.

— Сможешь спрыгнуть? А я поймаю! — я протянул к Насте руки.

— Хорошо. Сейчас!

Девушка сидела на заборе свесив ноги. Вот она уперлась руками в край забора, а пятками в шершавую его поверхности и немного приподняв корпус тела сместила таз вперед и теперь держалась только за счет силы рук и скользящих понемногу по забору вниз подошв сапог. Куртка ее вновь задралась дразня меня аппетитным животиком с ямочками и выбившейся из-под пояса джинсов на пол сантиметра кружевной резинки трусиков. Мне ничего не оставалось как поддержать ее за талию, коснувшись руками обнаженной кожи, скрывающей под собой упругую трепещущую плоть. Это прикосновение пронзило меня насквозь, заставив

уйти сердце в пятки, но все происходящее заняло доли секунды. Едва Настя почувствовала, что она в моих крепких руках, как девушка немного оттолкнулась от забора, чтоб не проскользнуть по нему голой поясницей, и отпустив руки прыгнула, поддерживаемая моими руками и для равновесия ухватив меня за плечи.

Как я уже говорил девушка была достаточно плотного телосложения потому и веса в ней было достаточно, и когда она прыгнула мы с ней по инерции сделали пару шагов назад, пока я не уперся в ствол дерева, вдавившись в него спиной. Препятствие сблизило нас и Настя буквально впечаталась в меня, прижавшись ко мне всем телом. Я все еще прикасался к обнаженной коже ее талии а ее руки так и лежали у меня на плечах. Ее лицо оказалось прямо напротив моего в паре десятков сантиметров. На меня пахнуло ее мятым горячим дыханием, а ее приоткрытые губки манили и дразнили меня аленьким бантиком. Мы встретились глазами и я не мог отвести их, утопая в серо-голубых волнах ее зрачков. Одним словом на миг от ее близости я просто потерял голову и зачем то глупо спросил:

— Можно я тебя поцелую?

— Конечно можно! — Ничуть не смутившись ответила девушка, словно ожидала этого. Глаза ее закрылись и немного склонив голову на бок она уже приближала свои приоткрытые губы к моим.

Когда привык целовать одну девушку и вдруг целуешь другую, явно ощущаешь как этот поцелуй отличается от тех других, принадлежащих твоей девушке. Так было у меня в подростковом возрасте, когда три юноши и три девушки играли в бутылочку и целовались довольно по взрослому, засос, с язычком. Три разные пары губ, три совершенно разных поцелуя...

Губки Насти были пухлее чем у Маши, но ротик ее меньше, поэтому мне поначалу в нем показалось тесно, когда мой язык вторгся в ее миленький ротик. Губы девушки впитали яблочную сладость и были упругие, скользкие и сладкие. Ее язычок был поменьше чем у моей девушки, но его твердый остренький кончик довольно юрко исследовал мой рот поникая то между губ и зубов, то путешествую по нёбу, то вступая в танец с мой языком. Настя умела целоваться, ничего тут не скажешь. Я уже не скрывал свой стояк и он твердо упирался в бедро моей спутницы, все теснее прижимающейся ко мне всем телом. Настя негромко но очень протяжно постанывала во время поцелуя, или это ее дыхание создавало такой дуэт с шумящим в ветках деревьев ветром.

Я не знаю, сколько бы это могло продолжаться, но нас вспугнули голоса, кто-то шел за тем злополучным забором, громко разговаривал и смеялся. В таких безлюдных местах всегда с настороженностью и опаской относишься к появившимся людям, а когда целуешься с чужой девушкой, рискуя быть замеченным кем то из знакомых или соседей то и вовсе стрёмно.

Мы нехотя прервали наш сладкий поцелуй. Розовые доселе щеки Анастасии пылали теперь бардовым цветом заливая пространство под глазами и переходя на нос. Мы тяжело дышали глядя друг на друга. Я все еще сжимал в объятиях Настю и она плавно высвободилась из них и утерев влажный рот обратной второй ладони, молча отошла к рюкзакам и закинув свой ни плечи повернулась ко мне.

— Идем же! — негромко позвала она с дрожью в голосе, а краска так и не сходила с ее лица. Вновь узкие натоптанные кем-то тропинки среди высокой пожухлой травы. Снова перетекающие из плоскости в плоскость ягодицы идущей впереди меня девушки. Я не знал что теперь делать. Я мысленно балансировал на тонкой стене не зная куда упасть. С одной

стороны сожалел и стыдился произошедшего, с другой стороны страстно желал продолжения ну или хотя бы повторения этого безумного поцелуя. Я не знал что думает теперь об этом все Настя, а напрямую спросить не мог, мне показалось это как то глупо и стыдно.

— Вот тут груша сладкая, — прервала мои мысли Настя, и казалось, что голос ее все еще немного подрагивает. — Правда, внизу уже поободрали все, нужно на дерево лезть.

Настя, казалось, тоже пребывает в раздумьях и неуверенности по поводу произошедшего. Я не почувствовал в ней ни отчуждения, ни прежнего задора, она... словно ждала чего-то, представляя мне самому решить как будет дальше. Мне так казалось, но я мог это все просто выдумать!

Я полез на дерево, чуть не свалившись, когда под ногой хрустнула ветка.

— Осторожнее, — встревоженно крикнула Настя.

— Нормально! — лез я дальше.

Набрав пакет груш я спустился вниз и постав его рядом с рюкзаками. Рядом стояла Настя, привалившись плечом к дереву и жевала соломинку, шевеля ей в уголке рта. Она натолкнула меня на мысль, что я с самого утра не курил. Так же привалившись к соседнему стволу, я полез в карман, лениво выудил из кармана помятую пачку «Бонда», и вытащив из нее наполовину сигарету, сунул в рот, прилепив к нижней губе. Пачку я потянул вниз, а сигарета осталась во рту. Я любил так делать, на манер крутых парней из кино. Я лениво похлопал по карманам, вспоминая куда дел зажигалку, как вдруг Настя стремительно шагнула ко мне и вырвав сигарету из зубов тут же припала ко мне со сладким поцелуем грушевого вкуса.

«Вот это по нашему!» Пронеслась в голове мысль в то время как язычок Насти во всю хозяйничал у меня во рту. Я прижал девушку к себе от чего она застонала. На миг прервав поцелуй Настя заглянула мне в глаза, словно пытаюсь получить ответ на вопрос, все ли мне нравится, согласен ли я с происходящим, но я лишь легонько подтолкнул ее голову в направлении своего лица, запустив пальцы в волосы на затылке и Настя, удовлетворившись моим ответом, вновь прикрыла глаза приближая ко мне раскрасневшееся лицо и жадный рот. Хотя, думаю, мой член, который упирающийся ей в бедро был красноречивее любого ответа. Я мял упругие ягодицы моей спутницы сквозь джинсы, поцелуи мои расширили зону покрытия, переместившись с губ на щеки а затем на шею. Настя с удовольствием подставляла шею поцелуям, вздрагивая всякий раз едва губы мои касались шелковистой кожи. Моя рука нежно мяла небольшую упругую грудь сокрытую от меня вязаной кофточкой и лифчиком, но это не мешало насладиться ее чувственностью, а Настя от таких ласк часто задышала прикусив нижнюю губу.

И вновь объятия и поцелуи, прикосновения и ласки. Я сначала не понял почему Настя пытается высвободиться из моих объятий, я то уже разошелся и лишь крепче прижимал ее к себе!

— Подожди! Постой, — взмолилась она и лицо ее стало озабоченным, девушка озиралась по сторонам пританцовывая то на одной, то на другой ноге.

— Уууу! Я обсикаюсь сейчас! — призналась она.

— Мне отвернуться? — спросил я, размыкая объятия, но девушка едва ли слышала смысл моих слов. Она уже приняла решение и судорожно расстегивала молнию на джинсах. Быстро стянув их до колен, Настя присела и через миг я услышал как вырвался и зажурчал ручеек у нее между ног.

— Уффф. Как хорошо! — вздыхала она от облегчения. Было не жарко и от ее лужицы

поднималось облачко пара, донося до меня специфический запах витаминок.

Настя поднатужилась и тугая струя вырвалась из нее с новой силой и ударилась о мой резиновый сапог, продолжая бить в него со звонком журчанием.

— Извини! — девушка подняла глаза и посмотрела на меня. С момента как она присела, Настя не выпускала из руки мою ладонь, словно держась за меня. — Сегодня весь день недержание какое-то. Наверное меньше вчера арбуз надо было есть. — Виновато оправдывалась девушка.

Ситуация и вправду была пикантная. Еще ни разу девушки не писали в моем присутствии, еще и держа меня за руку, орошая своим ручейком мои резиновые сапоги да еще и разговаривая со мной. Никогда не знал что такое простейшее и возможно постыдное событие может так возбуждать. Заметила это наконец и Настя, переведя взгляд на бугор на левой штанине.

— Что это у нас тут? — Спросила она поглаживая пальчиками другой руки бугристый твердый ствол.

А я подумал, какого черта ломаться пол дня и расстегнул джинсы выудив из них член.

— Вот что тут! — ответил я на вопрос. На Настю, словно отдельно живущее от меня существо воззрился щелкой своего единственного глаза мой конец. Кожица на нем не была припущена и из-под натянутой крайней плоти на девушку глядела лишь часть головки.

— Какой большой! — Прошептала Настя взяв его в руки и спустив кожу до самого основания головки. Руки ее были холодные и влажные, а от прикосновения приятно засвербело в яичках и по мошонке пробежали мурашки.

Я не считал свой член очень уж огромным (видал в бане у мужиков и поболе) но комплимент соседки по общежитию польстил мне.

А тем временем ее аккуратненький тугой ротик уже принимал член в себя. После холодных пальчиков, ее горячий язычок был приятным контрастом. Маша не баловала меня таким образом, как-то в наших отношениях не приняты были оральные ласки и сейчас я наслаждался полузабытым чувством когда девушка ласкает тебя ротиком. Когда она выпускала мой конец изо рта, его приятно обдувал осенний ветерок, а за язычком девушки тянулась тоненькая блестящая ниточка тягучей смазки. Растягиваясь, эта прозрачная ниточка обрывалась в самом тонком месте, и ее половинка устремлялась, к Настиной на нижней губе, затем стекая с нее крохотной капелькой на подбородок.

Девушка водила головкой вокруг пухленьких губ, от чего они блестели и лоснились, а затем погружала член глубоко в ротик, пока головка не упиралась в горлышко.

Я уже заимел надежду залить спермой эти настойчивые бесстыжие губки, как Настя в последний раз выпустила член изо рта и принялась подниматься.

— У меня попка уже замёрзла. Осень на дворе все — таки.

Вновь ее лицо было в паре десятков сантиметров от моего, влажное от слюны и моих соков, я ощущал идущий от ее губ пряный аромат, она выжидала и я поцеловал, не смотря на то, что пару мгновений назад по ее губам елозил мой член. Вкус ее был теперь слегка солоноватый, с мускусным оттенком и возбуждал меня еще больше. Штаны она так и не натянула и я поглаживал и сжимал руками гладкую кожу ее и вправду холодных, обнажённых ягодиц.

Настя со всей страстью отвечала на мой поцелуй, а ее холодные пальчики неистово теребили напряженный конец.

Девушка внезапно отстранилась от меня.

— Подожди. Пойдем. — Она взяла меня за руку и потянула к соседней яблоне, толстый корявый ствол которой примерно в метре от земли расходился на два ствола потоньше, образуя развилку вроде буквы U.

Настя повернулась спиной и наклонилась упираясь руками в расходящиеся в стороны стволы, а затем прогнулась в пояснице открыв мне вход к тайной своей пещерке.

Белые округлые ягодицы переходили в крутые стройные бедра, на внутренней стороне которых поблескивали на солнце крохотные янтарные капельки — последствия ее журчащего стремительного ручейка. А между ножек алели нежные пухлые губки, покрытые по краям влажным кудрявым пушком. Член мой подрагивал колом изнывая от желания погрузиться в горячую вязкую плоть. И я вошел. Туго, напористо, глубоко. Настя вскрикнула и благобно замурчала от удовольствия. Я замер на пару секунд прислушиваясь к ощущениям. Член со всех сторон облегал нежные упругие стенки женского влагалища, Настя даже понемногу стимулировала его сжимая и ослабляя внутренние мышцы. Холодные ягодицы приятно касались моих бедер и живота. Я как крепко ухватил ее за талию, и под моими пальцами затрепетала упругая плоть. Мне каким-то образом передалось нетерпение девушки и я медленно начал вытягивать член из ее узенькой, не желающей отпускать меня, норки, чтоб снова с чавкающим звуком погрузиться, скользя по обильно смазанным стенкам вагины. Настя лишь крепче ухватилась за развилку дерева когда я вошел в ритм и глубокими монотонными движениями начал насаживать член на всю длину, сколько мог. Настя постанывала с каждым толчком и мои ноги звонко шлепались о ее трепещущие ягодицы.

Кончил я быстро, не было сил терпеть, с чавканьем вырвал член из блаженной пучины и жирно спустил тугими струями спермы на подрагивающие ягодицы, залив копчик, поясницу и щелку, что разделяет попку на две округлые половинки. Размазал членом сперму по гладкой белоснежной коже от чего на ней образовались густые разводы. Выдавлив и стряхнув последние капли я пошлепал головкой по мокрой коже и принялся заправляться. Настя распрямилась, натянула бледно-розовые трусики, на которых тут же проступили мокрые пятна от моей спермы, а затем, уже повернувшись ко мне натягивала и застегивала джинсы.

Лицо ее было пунцовым, не знаю от стыда ли или от страсти, но краска на ее лице делала девушку еще более привлекательной и желанной.

— Мне понравилось! — Промурлыкала она

— Повторим? — Спросил я в ответ.

— Только не здесь!

Накинув рюкзаки полные плодов на плечи мы побрели домой. Но наряду с яблоками и грушами мы уносили с собой запретный плод который вкусили на этой безмолвной полянке. Несколько раз мы останавливались в укромных местах, где неистово и страстно целовались, пока не начинала бить дрожь возбуждения!

Нам следовало поторопиться, до вечера в нашем распоряжении было еще несколько часов и мы планировали провести их с пользой.

P. S. Все это случилось лет десять, а то и двенадцать назад. Многое произошло за эти годы. У каждого из нас есть своя семья и по двое детей. Мы тесно дружим и общаемся семьями. Но иногда мы встречаемся с Настей наедине и предаемся плотским уладам, вновь и вновь вкушая наш запретный плод, который с годами становится только слаще и желаннее.

Любовники ли мы? Нет! Ни в коем случае. Мы просто очень хорошие друзья!

Друзья, которые иногда, тайком от других занимаются любовью